

ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКОЙ РУСИСТКИ: РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА МОЕГО СОБСТВЕННОГО БЫТИЯ

Вероника Жобер

Доктор славянских наук, заслуженный профессор Сорбонны.

E-mail: veronique.jobert@gmail.com

A FRENCH SLAVIC PHILOLOGIST'S POINT OF VIEW: RUSSIAN LANGUAGE AS MY EXISTENTIAL CORE

Véronique Jobert

Professeur émérite de l'université de Paris-Sorbonne.

E-mail: veronique.jobert@gmail.com

Любой язык является основой бытия нации. Для французской русистики, изучавшей в 1960-е г. русский в Сорбонне, этот язык позволил проникнуть в культуру и историю страны, жившей в изоляции в советское время. Сравнение разных языков приводит к оптимистичному заключению: русский является очень богатым языком, способным постоянно осваивать заимствования.

Every language represents the existential core of the nation who speaks it. For a French specialist in Russian philology, learning Russian gave the opportunity of understanding the history and culture of a country who lived in isolation during the Soviet period. Russian is a very rich language, with many lexical borrowings.

Ключевые слова: русский язык, французская русистика, иерархия языков, язык и история страны, лексические заимствования.

Keywords: Russian language, Slavistic studies in the Sorbonne, Language and culture, Language and history.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-74-83

Русский язык как основа бытия России. Русская литература или бытие России. Вот два афористичных утверждения, с которыми человеку, всю жизнь посвятившему русистике вдали от самой России, трудно не согласиться.

Внимательно прочитав описание и аргументарий конференции «Русский язык как основа бытия России», на которую меня любезно пригласили, я, признаться, призадумалась. Куда же, в какое из одиннадцати перечисленных направлений мне, французской русистке, вписаться?

Да и вообще, не является ли название конференции по сути тавтологией?

Как представить себе существование любого народа без его языка? История последних лет, в частности бывших советских республик, показала, как борьба за собственный язык становится патриотической, проходящей, к сожалению, часто в ущерб другим языкам, имеющим хождение в той же стране.

И тут меня осенило: а как перевести на французский «Русский язык как основа бытия России»? Ведь слово «бытие» можно перевести как *existence* (существование), *être* (существо), а еще, в более «высоком штиле», — *genèse*. Это термин, относящийся, в частности, к библейской Книге Бытия. Кстати, в русско-французском словаре Л. В. Щербы (1962) последний перевод отсутствует. Но зато приведено известное изречение Маркса: «Бытие определяет сознание». И невольно хочется уточнить: уместно ли в данном контексте (марксистского материализма) возвышенное слово «бытие», явно имеющее оттенок философской или духовной лексики? Не следовало ли бы заменить его простым старым словом «бытьё» («житьё-бытьё») в обыденном значении? Или даже употребить «быт»?

Итак, оказывается, что русский язык беднее французского, у которого целых три слова «*existence, être, genèse*» вместо одного «бытие»? Бедный язык! *Pauvre langue!*

Позволю себе тут маленькое отступление, которое послужит мне вступлением.

Моя тетушка, покойная писательница Наталия Иосифовна Ильина, которая последние годы жизни летом гостила у нас во Франции, однажды ужасно обидела моих сыновей (им было около 12 и 8 лет). Наталия Иосифовна довольно прилично говорила по-французски и постоянно старалась усовершенствовать свое знание языка. И вот возник у нее вопрос: как же так, на французском одно только слово «*bureau*» имеет три значения: рабочий кабинет, рабочий стол, контора? И, вздохнув, задорно выпалила: «*Pauvre langue!*» («Бедный язык!»), что вызвало гнев и негодование моих мальчишек.

А я подумала: где только не скрывается национализм!

Моя статья будет сугубо личной, весьма автобиографичной, не претендующей на научность. Мои замечания чисто эмпирические, отнюдь не теоретические. Это ряд размышлений, основанных на наблюдениях, сделанных на протяжении долгой жизни «французской русистки», и на соображениях, подпитанных чтением русских текстов.

Итак, какой язык богаче, какой беднее?

Столь провокационную постановку вопроса, конечно, следует отвергнуть. И, откровенно говоря, меня всегда раздражал русский восторг, пафос по поводу «великого» и «могучего» русского языка.

Любопытства (а не любознательности) ради — тут русский язык оказывается опять богаче французского, где имеется только слово «curiosité» — я решила посмотреть в интернете, что можно найти по поводу «великого и могучего» русского языка. Как говорят фамиллярно французы, «Je n'ai pas été déçue du voyage» («Результат превзошел все ожидания»). На каком-то сайте утверждается: «Ни в одной стране мира нет **толкового словаря уголовных жаргонов**. Вдумайтесь в это! Ни в одной! Это не повод для гордости, но это правда жизни» (Моя Россия). В данном случае удивляет уточнение: «Это не повод для гордости». А почему тогда об этом упоминают?

Если уж приводить тургеневскую цитату, то следовало бы дать ее полностью: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?» Это, собственно говоря, значительно сужает, как мне кажется, перспективу. В скобках отметим также, что почему-то при цитировании тургеневского изречения обычно значительно сокращают даже прямые прилагательные, довольствуясь великим и могучим, забыв о правдивости и свободе. Склонность к гиперболизации в русской речи очень заметна. Это связано отчасти, может быть, с наличием двух прилагательных: «великий» и «большой», когда во французском существует только одно слово «grand». И Петр Великий, и Екатерина Великая, об историческом значении которых знают и французы, звучат по-французски всего лишь как Pierre le Grand, Catherine la Grande. А единственная «великая» война в истории Франции, Первая мировая 1914–1918 гг. вошла в историю как La Grande Guerre, правда, с двух заглавных.

Видимо, русский размах несовместим с французским чувством меры. Как не вспомнить здесь изречение Талейрана: «Tout ce qui est excessif est insignifiant» («То, что чрезмерно, на самом деле несущественно»). Как же справиться с таким несовпадением двух языков?

Занимаясь переводами, часто обнаруживаешь неразрешимые трудности. Тут я опять вспомню мою тетушку-писательницу, которая яро спорила со своим закадычным другом, переводчицей Надеждой Михайловной Жарковой. Что труднее? Писать или переводить? Наталия Иосифовна никак не соглашалась с Надеждой Михайловной, утверждавшей, что переводить труднее. И вот я сейчас, по истечении стольких лет, безоговорочно готова стать на сторону переводчицы.

Известно, что ряд писателей и поэтов утверждали, что перевод всегда уступает оригиналу, не может быть абсолютно точным. Известная итальянская паронимазия «traduttore — traditore» ставит знак тождества между переводчиком и предателем.

Наглядным примером трудностей перевода стала для меня работа над письмами моей русской прабабушки, которые я уже частично опубликовала в России. Ольга Александровна Воейкова была образованной, начитанной русской дворянкой, она в совершенстве владела пятью европейскими языками. В переписке со старшей дочерью, попавшей в эмиграцию и жившей в Харбине, Ольга Александровна постоянно прибегала к французскому языку, да и не только. Поскольку ее переписка с дочкой охватывает 1920–1930-е гг., нетрудно догадаться, что Ольга Александровна использовала иностранные языки, в частности, для обмана цензуры. Это позволяло ей доносить до адресата крамольную информацию. Но названная причина — далеко не единственная, объясняющая употребление иностранных слов. В данном случае нас интересует другое: почему и когда автор писем вставлял французское слово, словосочетание или фразеологизм?

Оказывается, она делала это, если на русском слова, идентичного по смыслу или оттенку значения, не находила.

Описывая младшего внука, она писала, что он маленький «*tourbillon*» и что «*Il n'aura pas la bosse du respect*». В переводе на русский можно написать, что маленький мальчик «несется как вихрь», или что он «настоящая юла», и что он «вряд ли будет уважительным» (Жобер, 2012: 43).

Намекая на финансовые трудности, с которыми сталкивалась ее семья в Ленинграде, Ольга Александровна писала: «Задержки в оплате загоняют в долги — *on tire le diable par la queue*», что означает «мы еле сводим концы с концами» (Там же: 60), но далеко не так колоритно, как дословное значение во французском «Мы тянем беса за хвост». На ту же тему жизненных неурядиц в другом письме мы читаем, что всем надоело жить «*sur la branche*», то есть «в подвешенном состоянии», а дословно «на ветке».

Вспоминая с грустью прошлое и отдавая себе отчет, что оно не вернется, Ольга Александровна прибегла к поэтической французской поговорке, афоризму, где ассонанс и аллитерация использованы вместе: «*Tout passe, tout lasse, tout casse*». Согласитесь, что переводу на русский: «Все проходит, все надоедает, все пропадает» — недостает поэтичности.

Можно было бы привести сотни таких примеров из упомянутых писем (Jobert, [2013]: 123–136). К чему же я клоню? Отнюдь не к утверждению, что русский язык беднее французского. Как говорят французы: «*Comparaison n'est pas raison*». То есть сравнить не значит доказать.

Я хочу скорее доказать от противного, идя от обратного, богатство русского языка. Если Ольга Александровна прибегала порой к французскому, то именно потому, что она, будучи настоящей русской европейкой, прежде всего великолепно владела своим родным, русским языком. И она, конечно,

считала долгом развивать у внука русскую речь. Для этого необходимо много читать, и в феврале 1934 г. она сетовала: «Жаль, что нельзя пополнить запасы детских книг. Над очерком Мамина-Сибиряка “Зимовье на севере” Димка горько рыдал над смертью собаки Музгарки. Когда Муся проезжала здесь, она оставила толстую книгу “Живое слово”, и это, собственно, фундамент нашей библиотеки, там и басни, и стихи, и сказки, и рассказы с портретами главных авторов, все еще на букву Ъ» (Архив). В марте же 1936 г. она писала: «Мы с ним <с внуком> бесчисленное количество книг прочитали. Это ему дало замечательно правильный и острый русский язык. За словом в карман не полезет. На днях Алина <его мать> за обедом ему говорит: “Какой стрекотушкин-болтушкин!..” Не задумавшись, он ответил: “Какой причиталкин мамушкин!”. Несмотря на нахальство, даже мать не удержалась от смеха» (Там же).

«Мой Русский язык»

Тот самый язык, которому я посвятила всю жизнь, который стал моим bread and butter для англоязычных (то есть моим хлебом с маслом, моими средствами к существованию), fonds de commerce для франкоязычных (то есть моим бизнесом, моим капиталом). Осваиваю привычку русскоязычных использовать притяжательные прилагательные и этим заигрываю. Дело в том, что во французском притяжательные прилагательные применяются сплошь и рядом в совершенно других ситуациях, сугубо конкретных и тривиальных: «Mange ta soupe» («Ешь [твой] суп»), «Finis ton dessert» («Доедай [твое] сладкое»), чего в русском нет. Зато в русском, напротив, присутствует некоторая торжественность, высокопарность: «Мой Пушкин» (Цветаева), «Пушкин, наше все» (Аполлон Григорьев в сочинении «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»).

Мне необходимо, видимо, сперва уточнить, что я француженка по рождению, воспитывалась во Франции, мать у меня была русской, но росла я не в эмигрантской среде. Русский для меня является, я бы сказала, языком матери («langue maternelle»), но в общем не родным. Только в семь лет я начала его учить с грехом пополам. Главные научные лингвистические познания я получила на факультете славистики в Сорбонне. Тут хочется рассказать, как известный лингвист, профессор А. А. Реформатский в конце 1960-х — начале 1970-х гг. тестировал мои знания. Однажды он наобум, ни с того ни с сего, спросил: «А как множественное число слова “дно”?» Я, не запнувшись, ответила «донья», чем Сорбонна заслужила похвалу русского лингвиста. После университета, выдержав конкурс на должность преподавателя русского языка, я стала работать в средней школе и гимназии. Это было начало 1970-х гг., время подъема, развития преподавания русского языка во Франции, кото-

рое, увы, давно миновало. Защитив докторскую, я стала доцентом на кафедре славистики в Сорбонне, а после абилитации профессором-русистом в Сорбонне. Конечно, мои поездки в СССР начиная с 1961 г., затем, участвовавшим темпом, в Россию после развала СССР в 1991 г., значительно развили мой русский язык. Ведь, помимо стажировок для студентов и преподавателей, я общалась с писательницей Натальей Ильиной, с ее мужем Александром Реформатским, с Надеждой Жарковой и многими другими представителями интеллигенции, будь они лингвисты, писатели, артисты или литературоведы. Круг знакомых, сначала в СССР, а затем в России, посвятивших меня в сложное, неоднозначное, неимоверно захватывающее бытие России, был обширным. Мне дарили книги, я увлекалась чтением русской классики, той самой русской классики, которая и есть бытие России. Полное собрание сочинений Н. С. Лескова в красной обложке я получила еще в студенческие годы из рук самого Реформатского. Каково же было мое удивление, когда я нашла в письме Ольги Александровны Воейковой упоминание этого автора, которым зачитывалась внучка Катюша в 1930-е годы, о чем бабушка писала 24 мая 1934 г.: «Катя постоянно сидит, уткнувшись в книжку, прочла чуть ли не все произведения Лескова. Начав с “Соборян”, она так и пошла проглатывать том за томом. Это — чтение, уносящее далеко в старину, с которым мало кто из русской молодежи теперь знаком» (Архив). Вот наглядный пример усердия, с которым в трудных условиях 1920–1930-х гг. Ольга Александровна, как и все «бывшие», пыталась дать хорошее образование детям.

В 1960–1970-е гг. мы, студенты-русисты, конечно, стремились доставать в библиотеке Сорбонны долгожданные знаменитые советские «толстые журналы», такие, в частности, как «Новый мир», «Знамя», «Октябрь». И мы понимали, что опоздание с их получением во Франции не обязательно связано с медлительностью почты. Известно было, что из-за борьбы редакции с цензурой некоторые номера выходили не вовремя. Так было, если я правильно помню, со знаменитым № 11 за 1962 г. «Нового мира» с повестью А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Таким образом я окончательно убедилась, что во второй половине XX века, несмотря на закрытость политического и социального строя до развала СССР в 1991 г., можно изучать Россию посредством ее литературы. Занятия советской сатирой, в частности, позволяли понять реалии, которые тогда официально не существовавшая социология не могла анализировать. К тому же эзопов язык, многочисленные иносказания, к которым прибегали литераторы, развивали у читателя способность читать меж строк. И вот фельетоны моей тетушки, освещающие повседневные неурядицы советского быта, стали для меня важным источником познаний о советском строе. В конце

концов я в 1988 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Советская современная сатира. Общество и идеология».

Деревенская проза, представленная такими писателями, как Ф. А. Абрамов, В. Г. Распутин, В. П. Астафьев, В. И. Белов, С. П. Залыгин, Б. А. Можаяев, В. А. Солоухин, В. Ф. Тендряков, В. М. Шукшин, и, конечно, рассказ Солженицына «Матренин двор» дали возможность ознакомиться с реалиями русской деревни. В период учебы в Сорбонне я также зачитывалась представителями советской городской прозы 1970–1980-х гг., Андреем Битовым, Владимиром Маканиным и, конечно, Юрием Трифоновым. Очень хорошо помню, как на факультете русистики мы передавали друг другу разные номера журнала, в котором вышел роман «Белые одежды» В. Д. Дудинцева.

Русская литература, в данном случае в первую очередь советская литература XX в., а не русская классика XIX в., была очень важным компонентом формирования иностранного русиста. Дело в том, что она в значительной мере заменяла историю и социологию и позволяла иностранцу открыть для себя страну, в которую не так легко было попасть и где передвижения были весьма ограничены. Русская литература открывала окно в мир загадочной страны, о жизни обитателей которой из газет нельзя было ничего толком понять. В знаменитых словах Е. А. Евтушенко «Поэт в России — больше, чем поэт...» («Молитва перед поэмой») была бы, по-моему, оправдана замена слова «поэт» словом «литература».

С началом перестройки, с гласностью ситуация для иностранного преподавателя русского языка резко изменилась. Появились газеты и журналы, которые могли заинтересовать французских учеников и студентов. В них можно было найти те же темы, что и в западной прессе. Участились и разнообразились поездки по России. После нового закона о печати лета 1990 г. наступил настоящий бум прессы. В первом номере «Русского журнала» (1991) я опубликовала (не будучи еще тогда главным редактором) статью «Неформальная пресса на улицах Москвы». Перечислялись следующие газеты и журналы: «Независимая газета», «Куранты», «Свободное слово», «Русские ведомости», «Новая жизнь», «Московские ведомости», «Коммерсант», «Демократическая Россия», «Революционная Россия», «Протестант», «Тема», «Отверженные», «Милосердие», «Тайны КГБ», «Частный детектив», «Огонек». Они продавались везде: в метро, в подземных переходах, на улицах. Разбегались глаза при виде такого количества публикаций, очень разных по содержанию, тематике, качеству, объему. Самым удивительным было, помнится, наличие на одном прилавке у одного и того же продавца религиозной и порнографической литературы. Очередной парадокс страны, где все менялось ускоренными темпами.

Я отчетливо помню, как в те «лихие» годы радовалась свободе слова, которая тогда казалась необратимой. В номере нашего журнала, посвященном ельцинским годам, мне показалось уместным дать статью о «ликих» годах, вспоминая девяностые. Как раз осенью 2015 г. прошел в Москве фестиваль «Остров 1990-х», а в Сахаровском центре прощались с историком Юрием Афанасьевым.

На вопрос «С чего начинается родина» моя тетушка отвечала: «С языка», подразумевая, что «не с березы или рябины». Она воплотила свое убеждение, став писательницей в СССР. На встрече переводчиков в апреле 2019 г. в Париже румынка Mariana Cojan Negulesco сказала: «On n'habite pas un pays, on habite une langue» — «Живешь не в стране, а в языке». А язык открывает дверь в историю, как метко определил известный французский славист Жан Брейар: «Derrière l'histoire, la langue» (Breuillard, 2010).

А что сулит нам будущее?

Если я правильно понимаю замысел организаторов конференции, они бьют тревогу по поводу возможного вымирания русского языка. В этом они, без сомнения, разделяют опасения блюстителей французского языка. Но, откровенно говоря, будущее угрожает французскому языку гораздо серьезнее, нежели русскому.

Настоящая глобализация мира, которой никак нельзя избежать, заставляет нас всех — и во Франции, и в России — мало-мальски использовать английский язык. И мне кажется, что тут ничего не поделаешь и противиться этому бесполезно. Это арьергардные бои. Английский язык, несомненно, гегемон в мире. Но, согласитесь, что в этом кроется и его уязвимость. Сколько миллионов людей по всему миру пытаются говорить на английском, но на каком ломаном, неправильном, исковерканном! Это явление назвали *globish English*.

Если быть идеалистом-утопистом, можно проповедовать эсперанто. Сторонники этого универсального языка, защищая «языковые права», утверждают следующее: «Каждый имеет право выражать свои мысли и понимать других наиболее удобным для себя способом. Все языки равны между собой и имеют равные права» — это слова из официального обращения, озвученного в 2008 г. к столетию Всемирной эсперанто-ассоциации (УЭА — *Universala Esperanto-Asocio, UEA*; перевод с эсперанто на русский Татьяны Аудерской). На этом основании предлагается изучать эсперанто.

Политика франкофонии, которой русские завидовали еще до развала Советского Союза, заключалась только в том, чтобы поддерживать тот уровень знания французского, который был заложен в бывших французских колони-

ях. Эта политика скоро исчерпалась. Если тридцать лет назад можно было еще удивляться и восхищаться чистотой языка марокканских тележурналистов, сейчас такого не найдешь, выросли совсем иные поколения. Знаменательное исключение составляет алжирец Камел Дауд, ставший писателем на французском языке.

Если теперь сравнить будущее русского и французского языков, то, как мне кажется, у русского огромные преимущества. Этот язык очень продуктивно умеет ассимилировать лексические нововведения, русифицировать заимствования. Русский язык владеет огромным потенциалом деривации. Если проверить глоссарий терминов интернет-маркетинга, окажется, что по-английски существует 249 терминов, а по-русски аж 414!!!¹ В отличие от французского, благодаря довольно верной фонетической транскрипции иностранных слов на русский (тут помогает еще факт различия алфавитов), появилась уйма совершенно узнаваемых (для английского уха) терминов: юзер, юзабилити, хештег, фолловер... Причем не только произношение максимально близко к исходному языку, но и ударение, и интонация. Интересно отметить, как от термина «лайк» образовалась типично русская форма «лайкнуть»; то же самое от «френд» — «зафрендить». Не могу удержаться от соблазна дать пример из совершенно другой лексической оперы: я была потрясена и восхищена, когда где-то прочитала: «Подлодки США готовы **томагавкнуть** по Сирии».

На французском же полная беспомощность: кроме слова «blog», нет ни одного узнаваемого термина. К примеру, как произносится французами термин «wifi»? Получается [уифи]. Что, очевидно, ни одному англоязычному не понять. А ведь была сделана попытка ввести какие-то орфографические нормы. «Мейл» — это, собственно говоря, электронное сообщение, то есть по-французски «message électronique». Почему бы не писать «mél»? Ан нет! Не привилось! Продолжают писать mail, как в английском, хотя ни один француз не способен это правильно произнести!

Итак, оправдывается ли опасение, что русский язык может перейти в разряд мертвых? В унисон известному бонмо Марка Твена (1897) хочется воскликнуть: «Сообщения о его смерти сильно преувеличены».

Париж, май 2019 г.

¹ См.: <https://glossary-internet.ru/terms/rus/>.

Литература

Архив. Личный архив Вероники Жобер.

Деятельность за языковые права в мире. URL : <http://www.linguistic-rights.org/ru>. Дата обращения: 19.08.2019.

Жобер В. П. (2007). Воспитание и образование детей как фактор русской культуры (1920–1930-е гг.) // Российская словесность: эстетика, теория, история. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию профессора Б. Ф. Егорова. Санкт-Петербург — Самара: Офорт. С. 237–241.

Жобер В. П. (2012). Когда жизнь так дешево стоит... Письма О. А. Толстой-Воейковой. 1931–1933 гг. / публ. и коммент. В. П. Жобер. СПб.: Нестор-История.

Кантор В. К. (2017). Русская классика или бытие России. М.: Центр гуманитарных инициатив. Моя Россия. URL: <https://moiarussia.ru/russkij-yazyk-velikii/>. Дата обращения: 13.02.2019.

Breuillard J. (2012). Derrière l'histoire la langue, Etudes de littérature, de linguistique et d'histoire, Paris, Institut d'Etudes slaves.

Jobert V. (2013). Pratique du multilinguisme dans une correspondance privée russe au XXe siècle. Formes et fonctions, Revue des Etudes slaves, Paris, LXXXIV/1-2. P. 123–136.

Jobert V. (1991). La presse informelle dans les rues de Moscou [Неформальная пресса на улицах Москвы], La société soviétique d'aujourd'hui, Actes du colloque de l'Association française des russisants, La Revue russe, 1, Publication de l'Université de Provence. P. 101–107.

Jobert V. (2015). Les années terribles [Лихие годы]. La Revue russe 45. P. 63–78.

References

Arhiv. Lichnyj arhiv Veroniki Zhober.

Deyatel'nost' za yazykovye prava v mire. URL : <http://www.linguistic-rights.org/ru>. Data obrashcheniya: 19.08.2019.

Zhober V. P. (2007). Vospitanie i obrazovanie detej kak faktor russkoj kul'tury (1920–1930-e gg.) // Rossijskaya slovesnost': estetika, teoriya, istoriya. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu professora B. F. Egorova. Sankt-Peterburg — Samara: Ofort. S. 237–241.

Zhober V. P. (2012). Kogda zhizn' tak dyoshevo stoit... Pis'ma O. A. Tolstoj-Voejkovoj. 1931–1933 gg. / publ. i komment. V. P. Zhober. SPb.: Nestor-Istoriya.

Kantor V. K. (2017). Russkaya klassika ili bytie Rossii. M.: Centr gumanitarnyh iniciativ.

Moya Rossiya. URL: <https://moiarussia.ru/russkij-yazyk-velikii/>. Data obrashcheniya: 13.02.2019.

Breuillard J. (2012). Derrière l'histoire la langue, Etudes de littérature, de linguistique et d'histoire, Paris, Institut d'Etudes slaves.

Jobert V. (2013). Pratique du multilinguisme dans une correspondance privée russe au XXe siècle. Formes et fonctions, Revue des Etudes slaves, Paris, LXXXIV/1-2. P. 123–136.

Jobert V. (1991). La presse informelle dans les rues de Moscou [Неформальная пресса на улицах Москвы], La société soviétique d'aujourd'hui, Actes du colloque de l'Association française des russisants, La Revue russe, 1, Publication de l'Université de Provence. P. 101–107.

Jobert V. (2015). Les années terribles [Лихие годы]. La Revue russe 45. P. 63–78.